

AILA LESS

АЛИСА И НИТИ ЗАБВЕНИЯ

Aila Less

Алиса и нити забвения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72321547
SelfPub; 2026*

Аннотация

После переезда в старый пансионат Алиса Уитмур начинает замечать, что в его коридорах появляются дети, которых никто, кроме неё, не видит.

За трещинами привычной реальности скрывается Кукольная комната – мрачный мир пропавших детей, где властвует Швея, сплетающая нити их памяти в собственные узоры. Чтобы спасти себя и тех, кто ещё может вернуться, Алисе предстоит собрать имя Хозяйки, рассеянное в буквах среди тех, кто сумел сохранить воспоминания.

Этот путь ведёт в самую глубину пансионата и в сердце Кукольной комнаты – туда, где страх становится осязаемым, а обратная дорога может исчезнуть в любую секунду.

Содержание

Предисловие	4
Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алиса и нити забвения

Предисловие

Меня зовут Алиса Уитмур и я знаю, что значит оказаться в месте, где реальность и фантазия переплетаются до неразличимости. Где страхи принимают обличье кукол, а время петляет, запутывая нити вокруг всего, что мне дорого.

Эта история о том, как я шагнула в Кукольную комнату, встретила тех, кто потерялся там до меня, и как мы вместе боролись с тем, что хочет нас сломать и забыть.

Я приглашаю тебя войти в мой мир. Пожалуйста, будь осторожен, иногда прошлое может быть страшнее любого кошмара. Но если ты готов пройти этот путь вместе со мной, знай, что в темноте всегда есть свет, и его нужно только найти.

– Алиса

Глава I

Когда мама сказала, что мы переезжаем, я не расплакалась, требуя объяснений. После смерти папы в нашем доме стало тихо, будто всё живое ушло вместе с ним. Мама почти не разговаривала со мной, а если и говорила, то всегда коротко, будто торопилась спрятать все чувства куда-то подальше.

Я тихо стояла в дверях квартиры, где прошло всё моё детство, чувствуя, как плечи опускаются всё ниже, а комната постепенно пустеет. Коробка с посудой исчезла первой, за ней унесли сумку с одеждой, а мамины альбомы, аккуратно сложенные, теперь тоже ждут своего места в новой жизни. Остался только светлый след на полу от ковра и маленькая пуговица, забытая в углу.

Мама стояла у стола и медленно, почти ритуально, протирала кожаную папку с документами.

– Пансионат «Грейхолл», – произнесла она, не поднимая глаз. – Там будет... спокойнее.

Она часто выбирала такие слова: «спокойнее», «удобнее», «временно». Но я уже умела различать её интонации. За этой кажущейся заботой всегда пряталось что-то другое. Она выбрасывала прошлое так же, как старый ковер, который уносили не потому, что он стал плохим, а потому, что больше не подходил для новой жизни.

Я не смотрела на часы, просто молча вжималась в спин-

ку сиденья, ощущая, как дорога медленно тянется и никак не хочет заканчиваться. За окном пейзаж постепенно расплывался, исчезали знакомые улицы, витрины, и автобусные остановки. Дальше начинался бесконечный, на первый взгляд лес. Деревья смыкались над дорогой сплошной стеной, скрывая за собой всё, что осталось позади. Чем глубже мы въезжали в этот зелёный туннель, тем тяжелее становился воздух. Он медленно заполнял салон, проникал под кожу, и с каждым километром ощущение тяжести только нарастало.

Когда мы наконец свернули с дороги и въехали на территорию пансионата, солнце уже клонилось к закату. Последние лучи скользили по земле, цеплялись за стволы деревьев и отражались на крышах. В этом мягком свете «Грейхолл» казался не просто старым – он выглядел усталым, почти истощённым. Фасад в некоторых местах потемнел, пошёл трещинами, напоминая высохшую кожу. Крыша просела, а мутные, тусклые окна смотрели в мир, как глаза, давно утратившие интерес ко всему происходящему.

Мама первой вышла из машины, аккуратно поставила сумку у ног.

– Это всё временно, Алиса, – тихо сказала она, словно старалась убедить не только меня, но и себя.

Я ничего не ответила, просто кивнула, не поднимая взгляда, потому что здесь даже слово «временно» переставало что-либо значить. Даже если мы уедем, что-то всё равно

останется.

Нас встретила женщина с лицом, в котором каждая морщина напоминала о прожитых годах. Миссис Григгс, хозяйка пансиона, говорила торопливо, но вежливо – в её голосе чувствовалось напряжение, словно за спешной любезностью она пыталась спрятать своё волнение.

– Ваша комната на втором этаже, северное крыло, – сказала она, передавая маме ключ и невольно понизив голос. – Только... пожалуйста, не трогайте чердачные замки.

Мы пошли за миссис Григгс по скрипучим лестницам, вдоль стен с выцветшими обоями, мимо окон, в которые давно никто не смотрел. Коридор плавно вывел нас к двери, и когда хозяйка распахнула её, перед нами открылась просторная комната. Потолок уходил в полумрак, тяжёлые бархатные занавески почти не пропускали свет, а воздух внутри казался застоявшимся, словно окна не открывали много лет. Обои блекло-лилового оттенка были покрыты серебристым узором, тускло поблёскивавшим в полумраке. В углу возвышалась высокая кровать с тёмным деревянным изголовьем: на её покрывале аккуратной вышивкой тянулись ветви с птицами. Комод с резными львиными головами вместо ручек стоял неподвижно и мрачно, создавая ощущение, будто он следит за каждым движением.

На подоконнике, среди пыли и тяжёлых складок ткани, стояла старая фарфоровая кукла в выцветшем платье и вязаных ботиночках. Она была обращена лицом к окну, слов-

но ждала кого-то или молча наблюдала за тем, что происходит снаружи. Я подошла ближе и осторожно взяла её в руки. Холодная фарфоровая поверхность слегка скользила под пальцами, а платье, чуть поскрипывало, когда я приподняла игрушку. Медленно повернув куклу, чтобы рассмотреть её со всех сторон, я заметила на спинке тонкие вышитые нити. Сначала мне показалось, что это просто затейливый узор, но, присмотревшись внимательнее, я различила в неровных, немного сбившихся стежках имя: «*Лиззи Холлоуэй*».

Я спрятала куклу под подушку, когда мама позвала меня к столу. Ужин проходил в общей столовой, просторной и прохладной, с тяжёлыми деревянными столами, за которыми сидели постояльцы. Мама разговаривала с миссис Григгс, иногда кивая, чтобы показать участие. Я сидела рядом, едва притрагивалась к ужину и рассеянно водила вилкой по тарелке, всё больше вслушиваясь в чужие голоса и присматриваясь к непривычной для меня обстановке.

Напротив, за длинным столом, сидели две девочки. Их волосы были аккуратно заплетены в одинаковые тугие косички, а белые воротнички на чёрных платьях выглядели безупречно ровно. Казалось, их не одевали, а собирали, как кукол по инструкции. Ложка тянулась ко рту, затем лёгкий вдох, потом взгляд скользящий мимо, и снова ложка. Всё повторялось с такой механической точностью, что казалось, кто-то невидимый управляет ими, дёргая за нити. Они были не просто похожи, они были отражениями друг друга.

Немного в стороне сидел мальчик. Он выглядел чуть старше меня, может быть, на год или два, но в его осанке и в том, как он опускал плечи и молчал, чувствовалась какая-то внутренняя зрелость, не свойственная детям. В руках он держал потёртый блокнот и тонкий, до предела наточенный карандаш. На жилетке под его ладонью поблёскивала тонкая, на вид хрупкая цепочка от карманных часов. Он рисовал с болезненной сосредоточенностью, будто каждый штрих значил гораздо больше, чем просто рисунок.

Я почти подняла руку, чтобы привлечь внимание мамы и указать на странных соседей, на их пугающую молчаливость. Но, обернувшись, увидела, что мама улыбается, кивает и спокойно пьёт чай. Всё происходящее казалось ей совершенно обычным, не требующим объяснений, будто эти дети – или то, что я принимала за детей вовсе не существовали для неё.

В этот момент мальчик поднял голову. Его взгляд был ясным и внимательным:

– Она уже ждёт тебя, – сказал он негромко, почти не отрываясь от рисунка. – Если ты научишься слушать, увидишь всех.

Я хотела спросить, кого именно он имеет в виду, но не успела. Близняшки, сидевшие напротив, одновременно подняли головы. На секунду их лица расплылись в одинаковых, слишком широких улыбках.

– Увидишь всех, – сказала одна.

– Всех, – повторила вторая, глядя мне прямо в глаза.

Их голоса слились в тонкую, неестественную вибрацию, но ни один взрослый за столом не обратил на это внимания, словно всё происходящее было абсолютно нормальным и не вызывало удивления. Я отпрянула, ощущая, как в груди сжимается тревога. Близняшки тут же опустили головы и, будто ничего не случилось, продолжили есть молча, не произнеся больше ни слова. Мне стало трудно дышать, желудок сжался, и я поняла, что не смогу больше ни есть, ни просто находиться в этой комнате. Я аккуратно отодвинула стул и встала из-за стола. Мама сразу заметив, что я ухожу, повернулась ко мне.

– Почему ты ничего не съела? – спросила мама тихо.

– Я не хочу, – ответила я, стараясь говорить спокойно.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Немного болит живот, – сказала я, опуская взгляд.

Мама внимательно посмотрела на меня, но ничего больше не спросила и вернулась к разговору с миссис Григгс. Я вышла из столовой, стараясь не оглядываться на остальных. Пройдя по коридору, увидела, что на лестничной площадке кто-то сидел.

– Ты громко дышишь, – сказала девочка, даже не взглянув в мою сторону. Рыжие волосы были стянуты в две тугие косички, одну щеку закрывала повязка, а на плече, свернувшись клубочком, устроилась белая крыса.

Я смутилась и тихо сказала:

– Прости... Ты тоже здесь живёшь?

Девочка посмотрела на меня чуть внимательнее и кивнула:

– Да, можно сказать что уже давно. Я Беатрис. Можно просто Беа. А тебя Алиса, мне уже рассказали, – сказала она и кивнула на свою крысу:

– А это Мэри.

Мы на несколько секунд замолчали. Крыса на её плече чуть приподняла голову, как будто почувствовала перемену в разговоре, и аккуратно коснулась носом подбородка хозяйки. Мне вдруг показалось, что это маленькое существо понимает куда больше, чем просто домашний зверёк.

– Эти... близняшки, – нарушила я молчание, чувствуя, как голос становится тише. – Они всегда были такими?

Беа опустила глаза на ладони, не переставая гладить крысу. Долгое время казалось, что она не собирается отвечать, но потом всё-таки сказала:

– Ты про Нелли и Нору?

– Наверное... – неуверенно проговорила я. – Они сидели с нами за столом, и с ними был мальчик с часами.

Беа чуть заметно улыбнулась и сжала пальцы:

– Тобиас. Он мой друг, – произнесла она чуть теплее, наконец поднимая на меня взгляд. – А сёстры, они странные.

Она задумалась, слегка подалась вперёд, плечи опустились, и только тогда она заговорила вновь:

– Раньше, кажется, была одна. Или, может быть, она про-

сто думала, что одна.

Я чуть подалась вперёд, почувствовав, как где-то внутри разгорается тревога.

– Что значит думала? – спросила я, глядя на Беа внимательно.

– Ну... – она слабо пожала плечами и сжала пальцы. – Иногда тебе кажется, что ты одна. А потом вдруг смотришь в сторону, и рядом уже кто-то есть.

Я замолчала. Это не было объяснением, но внутри меня что-то тревожно откликнулось.

– Они теперь всегда вместе, – продолжила Беа. – Если одна говорит, кажется, что это говорит другая.

– А как... они сюда попали? – спросила я, почти шёпотом.

Беа тяжело вздохнула, и крыса на её плече зашевелилась, будто уловила напряжение.

– Не знаю, – наконец ответила она. – Кто-то шептал, что сначала она... просто долго смотрела в зеркало. А потом в отражении появилась тень, и стала второй.

– То есть она придумала её? – уточнила я, не веря, что подобное возможно.

– Или наоборот, – пробормотала Беа, отворачиваясь. – Иногда не важно, кто из них настоящая. Они сами путаются, бывает, спрашивают друг друга, кто была первая.

Внутри меня поднимался липкий страх, будто холодная рука медленно сжимала сердце. Беа потянулась, стряхивая с себя тяжесть разговора, махнула рукой и пошла к лестнице.

Крыса повернула голову в мою сторону, и мне показалось, что она прощается.

Ночь опустилась на Грейхолл неожиданно быстро. Воздух в комнате стал густым, вязким и чуть пыльным. Я лежала в постели, укутавшись с головой и не в силах уснуть. Мысли сбивались, одна за другой возвращая меня к ужину, обрывкам разговоров, чужим настороженным взглядам за длинным столом. Перед глазами вставал мальчик с часами, близнецы с одинаковыми улыбками, хозяйка пансиона с её ровным, отмеренным голосом.

Где-то за стеной слышались звуки. Было ощущение, что кто-то стоит вплотную к стене с той стороны, и нас разделяют только тонкие обои и старая штукатурка. Я прислушалась и различила девичьи голоса, почти неотличимые друг от друга.

– Мы должны быть вместе, – сказала одна.

– Если нас разделят, нас не станет, – прошептала вторая.

В какой-то момент я перестала понимать, бодрствую ли или уже погрузилась в полусон. Границы реальности размывались, растворялись в мягкой дымке, и в какой-то момент я обнаружила себя не в постели, а стоящей посреди коридора, залитого тусклым серебристым светом. Пол был устлан разноцветными нитями, которые вели меня вперёд, и тянулись к одной из приоткрытых дверей, из-за которой лился слабый, едва заметный свет.

Я шагнула к двери почти машинально, ощущая, как неви-

димая рука мягко толкает меня вперёд. Комната оказалась просторной и прохладной, пропитанной запахом лаванды, старого дерева и тонкой металлической нотой. По стенам висели куски ткани и выкройки с выведенными силуэтами фигур, рядом с которыми стояли имена, совершенно незнакомые мне.

В центре комнаты стоял старинный деревянный стол, на котором лежала Лиззи – теперь она казалась почти человеческого роста. Рядом с ней, вытянувшись во весь рост, стояла высокая, очень худая женщина в длинном платье. Её лицо скрывала гладкая белая маска с удивительно правильными чертами. Аккуратный нос, ровные линии, большие застывшие глаза и тонкая, почти невидимая линия рта – всё казалось настолько симметричным, что от этого становилось не по себе. Но несмотря на маску, я чувствовала, как её взгляд проникает в меня, словно способен увидеть всё, что я прячу глубоко внутри. В длинных гибких пальцах женщины блесла тонкая игла, и с каждым осторожным движением она вытягивала из воздуха алую нить, вплетая её во что-то невидимое.

– Алиса, – мягко и вкрадчиво прозвучал её голос прямо у меня в голове. – Ты слишком груба для этого мира. В тебе слишком много лишнего, ненужного. Я могу сделать тебя гладкой.

Я хотела отступить, закричать, убежать, но тело не слушалось меня, будто внутри всё сковал невидимый шов.

– Я умею исправлять ошибки, – продолжила она, приближаясь ещё на шаг.

На фарфоровых щеках её маски вдруг промелькнули едва заметные тени, словно линии, вычерчивавшие её лицо, на мгновение попытались сместиться и стать похожими на мои.

– Позволь мне зашить твои сомнения, страхи и боль. Ты будешь счастлива.

Я отчаянно пыталась найти в себе силы сопротивляться, когда вдруг ощутила рядом чьё-то слабое присутствие.

– Не слушай её, Алиса, – тихо сказал детский голос. – Она хочет сделать тебя такой же, как все остальные, – сказала Лиззи, теперь уже громче и отчётливее. – Она боится тех, кто помнит себя.

Женщина резко повернулась ко мне. От неё веяло ледяным ужасом, настолько острым, что я едва могла дышать. Я не думала, просто развернулась и бросилась к двери. Лиззи осталась позади, а я, спотыкаясь, выскочила из комнаты в коридор. Метаясь вдоль стен, я заметила приоткрытую дверь одной из пустых комнат. Я вбежала туда и захлопнула за собой дверь. Комната была почти пуста, только голые доски пола и старый шкаф в углу. Я кинулась к нему, распахнула створку и забралась внутрь, уткнувшись лицом в груды пахнущих лавандой покрывал. Скрутилась в самый угол, обхватила колени, стараясь дышать тише, чтобы не выдать себя ни одним звуком.

Снаружи было тихо, только издалека доносился скрип по-

ловиц и едва слышные шорохи. Потом я услышала тяжёлые, неестественно скользящие шаги, будто кто-то не шёл, а парил прямо над полом.

Голос прозвучал вдруг очень близко, прямо за дверцей:

– Ты правда думаешь, что можешь спрятаться? Я всё равно доберусь до тебя. Даже если придётся выпороть все и начать сначала.

Я съёжилась сильнее, поджала ноги, закрыла уши ладонями, но голос становился только навязчивее, будто он уже звучал не снаружи, а внутри меня:

– Не сопротивляйся... Мне всегда удавалось исправлять таких, как ты.

Я зажмурилась ещё крепче, спрятав лицо в колени, и только тогда почувствовала, как всё вокруг начинает растворяться, а голос уходит, теряется в бесконечной тишине.

Я проснулась резко, тяжело дыша. Комната была тихой и неподвижной, но сердце продолжало отбивать ритм сна, словно я всё ещё не до конца вернулась в реальность. Одежда сбилось на пол, подушка была измятая, будто всю ночь не могла найти себе места. Я села, ощутив под ладонью пустоту, и заметила, что куклы не было рядом. На месте, где она лежала, оставалась только тёплая складка на простыне.

Мама лежала на соседней кровати, но, похоже, уже не спала.

– Ты так ворочалась, – сказала она поворачиваясь ко мне. – Я даже думала тебя разбудить.

– Мне приснился плохой сон, – прошептала я. – Извини, если разбудила.

Мама медленно поднялась, села на край кровати, и провела рукой по волосам.

– Ничего. Бывает. Тебе, может, воды принести? – спросила она смотря прямо на меня.

– Нет, я сама, – ответила я, натягивая носки и накидывая кофту.

Я огляделась по комнате и решила спросить:

– Мам, а ты не видела куклу? Она лежала тут, возле моей подушки.

Мама помедлила, бросила короткий взгляд на мою постель.

– Нет, я не видела никакой куклы, – сказала она. – Может, тебе приснилось?

– Нет, она точно была... – тихо удивилась я. – Я вчера держала её в руках, а теперь её нет.

Мама чуть пожала плечами, усталый голос прозвучал обыденно:

– Наверное, просто привиделось. Здесь много всякого хлама осталось от прежних жильцов, не обращай внимания.

Я ничего не ответила и тихо вышла из комнаты. Передо мной тянулся длинный коридор с выцветшим ковром. Свернув за угол, я оказалась в галерее. Медленно проходя мимо зала с разбитыми часами, я миновала комнату, где портреты были закрыты плотной тканью. На одном из холстов край

ткани немного отходил. Я приподняла его и увидела лицо мальчика с янтарными глазами и короткими тёмными волосами. Под портретом значилось имя – «*Марко.*» Слева, в глубокой нише, стоял старинный комод, а на нём лежала кукольная голова без тела, с большими глазами, полными глянцевого равнодушия. Я не могла понять, смотрит ли она на меня, или за ней прячется что-то другое, но ощущение присутствия не покидало меня.

Коридор вёл вниз, становясь всё длиннее и холоднее под босыми ногами. Я шла, пока впереди не увидела стеклянную дверь, за которой рассеивался слабый утренний свет. Я приоткрыла дверь и шагнула на каменную дорожку, по обе стороны которой раскинулись тёмные кусты. Воздух был влажным, пахло свежей землёй, недавно прошедшим дождём и прелыми листьями. Я двигалась дальше, не спеша, разглядывая зелёные заросли, и вскоре заметила мужчину, стоявшего у старой садовой скамьи, наполовину скрытой вьюнком. Он был в потёртом свитере, тёмной шляпе, на руках – перчатки, а в ладонях блестела небольшая лопатка. Я замерла, не зная, стоит ли подходить ближе или уйти, но в этот момент он поднял голову.

– Здравствуйте, Алиса, – негромко сказал мужчина.

– Здравствуйте, – кивнула я, и на мгновение замялась, не зная, что делать дальше.

Он выпрямился, опёрся на лопату, оглядел меня внимательнее.

– Элайджа Госс, – представился он. – Я ухаживаю за этим садом. Хотя он давно растёт, как ему вздумается.

Я не сразу нашлась, что сказать, просто смотрела на землю у его ног.

– Вам тут, наверное, скучно? – спросила я тихо.

– Скучно не бывает, – пожал плечами Госс. – Тут всегда работы хватает.

Он аккуратно воткнул лопату в землю и немного опёрся на рукоять, словно решая, стоит ли продолжать разговор.

– А мама как, устроилась? Всё в порядке у вас? – спросил он уже тише.

– Да, – тихо ответила я. – Вроде бы всё хорошо.

– Ну вот и ладно, – заметил он. – Если что спрашивай, не стесняйся. Я обычно тут или в сарае, – добавил он, решив закончить разговор.

– Хорошо, – сказала я.

Госс снова взялся за лопату и опустил голову, продолжая копать. Я постояла ещё немного, затем повернулась и пошла обратно к дому. В комнату возвращаться не хотелось, и я медленно двинулась по длинному коридору, где каждый шаг отзывался скрипом под ногами. Обои на стене были бледными, почти сливавшимися с потускневшим рисунком. Бежевые завитки поднимались вверх по старинной стене, и в медовом свете настенных ламп их линии дрожали при каждом моём шаге. Я провела пальцами по тому месту, где тонкие царапины сходились в круг, и ощутила неровность. Крошеч-

ный деревянный кусочек выглядывал из-под слоя бумаги, я слегка надавила на него, и в ту же секунду что-то внутри стены едва слышно щёлкнуло. Поверхность дрогнула, и обои начали медленно отходить.

– Это... – выдохнула я, не закончив фразу.

Передо мной появилась узкая дверь, едва шире ладони и немного выше моего роста. Тёмное дерево казалось старым, почти бархатистым на ощупь, а в центре вместо ручки находился маленький медный ключ. Я сомкнула пальцы на тёплом металле, на мгновение задержалась, затем медленно повернула ключ. Замок слабо щёлкнул, дверь поддалась, и приоткрылась, пропуская в коридор тонкую полоску странного, почти лунного света.

Комната была круглой, именно это бросилось в глаза, когда я переступила порог. Чуть дальше, вдоль изогнутой стены висело зеркало, расположенное на уровне глаз, без рамы и креплений, так что казалось – оно парит в воздухе, возникая из ниоткуда. В отражении я увидела себя, но в то же время было ощущение, будто смотрю на кого-то другого. Я потянулась к стеклу, и фигура повторило движение, наши пальцы почти соприкоснулись, но в тот же миг отражение внезапно улыбнулось. В испуге я отдернула руку, и зеркало исчезло, словно его стёрли ластиком, не оставив даже намёка на присутствие.

Я почувствовала, как страх холодной волной прошёл по спине. Хотелось сразу уйти, но, повернувшись, я увидела,

что там, где только что была дверь, теперь тянулась глухая, непроницаемая тьма. Я застыла на месте, и в эту тишину вдруг прозвучал тихий, почти ласковый голос, похожий на мысли, которые иногда возникают в голове сами по себе:

– Ты почти на месте, Алиса.

Я замерла, только сейчас осознав, что так крепко сжала кулаки, что ногти впились в ладони.

– Кто здесь? – спросила я, а может, только прошептала или даже подумала эти слова.

Но в ответ не прозвучало ни звука, однако я сразу почувствовала, что пространство вокруг меня стало меняться. Воздух сделался гуще, тяжелее, а стены начали дышать вместе со мной, то сжимаясь, то разжимаясь в каком-то невидимом ритме. Свет постепенно мерк, исчезал по углам, а тени на полу становились всё длиннее и плотнее, складываясь в странные, неуловимо живые формы.

Я пошла дальше, не оборачиваясь, хотя сердце стучало всё громче. В какой-то момент из глубины комнаты донёсся низкий, густой шёпот – будто кто-то прятался совсем рядом, почти у самого пола, и бормотал что-то сквозь щель между досками.

– *Не забудь себя...не забудь...не забудь...* – повторялся этот шёпот, как заевшая пластинка. Иногда звук обрывался, затем ускорялся, потом словно шёл в обратном порядке.

Я остановилась в самом конце коридора, если это всё ещё можно было назвать коридором. Передо мной возникла но-

вая дверь, на которой висела табличка: «*Лиззи Холлоуэй*». Я глубоко вдохнула, собрав всю храбрость, и медленно открыла дверь.

Внутри оказалась детская. На железной кровати с изогнутыми прутьями лежало пыльное розовое покрывало, сбившееся на один край. Обои когда-то были весёлыми, с медведжатами, но теперь казались бледными, почти прозрачными – рисунок будто стёрся временем, и остались только блеклые контуры. Комод с резными ручками был облуплен по краям, словно его слишком часто хватали руками.

В комнате было много кукол. Они теснились на полках, сидели рядами на старом стуле, лежали под столом. Некоторые куклы были полностью раздеты, фарфоровые туловища покрывала тонкая сеть трещин, особенно заметная на плечах и спинах. Одна из них сидела с пустой глазницей, другая лишилась нижней челюсти, а подбородок был плотно перевязан светлой полоской ткани, скрывающей отсутствие детали.

На кровати сидела девочка, я сразу поняла, что это Лиззи. Её волосы были очень светлыми, почти белыми, тонкие пряди спадали ей на плечи и едва касались выцветшего воротничка. Глаза казались слишком широко раскрытыми, взгляд остановился на мне, и на мгновение возникло ощущение, что она даже не моргает. Платье с оборками висело мешком, порванные манжеты и сдвинутый воротник только усиливали ощущение, что эта одежда ей не принадлежит. Лиззи сидела неподвижно, не издавая ни звука, лишь пальцы медлен-

но перебирали край подола. Всё вокруг казалось замершим вместе с ней, и трудно было понять, жива ли она на самом деле, или просто застряла здесь, как часть этой затерянной комнаты.

– Лиззи? – позвала я.

Ответа не последовало. Я осторожно шагнула вперёд, и только тогда заметила, как в её глазах на секунду мелькнула тень – зрачок чуть дрогнул, но выражение лица не изменилось, всё так же оставаясь спокойным и застывшим.

– Это... твоя комната? – спросила я, надеясь услышать хоть что-то.

– Я... я не хочу тебя пугать, – прошептала я, осторожно приближаясь. – Я просто ищу выход. Дверь... она пропала, и...

Лиззи резко, почти механически, подняла руку и указала на зеркало в углу комнаты. Оно было старым, с длинной трещиной, которая тянулась от самого края к центру. В отражении открывалась знакомая картина: я стояла у окна в гостиной пансионата, а мама сидела за столом и читала, не отрываясь от книги. Всё это показалось болезненно близким, словно случилось совсем недавно... или, может быть, никогда и не происходило. Я протянула руку к зеркалу и под ладонью ощутила не холодное стекло, а плотную, шероховатую ткань.

И в эту же секунду раздался голос:

– Она не пускает тебя обратно.

Я медленно обернулась, затаив дыхание. В её взгляде больше не осталось той прежней пустоты – теперь глаза Лиззи мерцали едва заметным, тусклым огоньком.

– Кто она? – прошептала я.

Лиззи медленно поднялась с кровати, её руки мягко опустились и безвольно застыли вдоль тела.

– Швея, – произнесла она глухо. – Она держит нас здесь, пока нитки не оборвутся.

– Я не понимаю...

– Поймёшь, – тихо ответила Лиззи, делая шаг ближе. – Но когда это случится, будет уже слишком поздно.

В тот же миг зеркало вдруг вспыхнуло. По его поверхности побежали чёрные зигзагообразные линии, словно невидимая игла стягивала трещины, зашивая их одну за другой. С каждой секундой швы стягивались всё сильнее, затягивая отражение и стирая его. Я закричала и попыталась отступить, но пол под ногами исчез, и я провалилась внутрь – в толщу ткани.

Голос Лиззи теперь звучал далеко, постепенно ускользая в тишину:

– Найди остальных. Найди их... до того, как она вышьет всех заново...

Тьма сомкнулась вокруг, и в следующий миг меня мягко, но неотвратимо потянуло вперёд. Когда ощущение толчка рассеялось, я уже стояла в круглом зале и постепенно понимала, что снова могу двигаться.

Тогда я закрыла глаза и прошептала:

– Я хочу назад.

Тишина накрыла всё вокруг, но я не отступила.

– Пожалуйста, – сказала я чуть громче, почти с отчаянием.

И вдруг в воздухе появилась тонкая щель, точно по стене провели острым лезвием. Она постепенно расширялась, превращаясь в дверь, за которой уже мерцал коридор моего мира. Свет оказался слишком ярким, почти болезненным для глаз. Лишь спустя несколько мгновений, когда зрение привыкло, я заметила в этом сиянии что-то неестественное, словно мир успел измениться за то короткое время, пока меня не было. Я стояла на месте, где находилась кладовка, но теперь за спиной не было ни двери, ни замочной скважины, ни даже едва заметного контура – только гладкая, холодная стена.

На кухне пахло варёной овсянкой и чем-то сладким, чуть тёплым. Я стояла в дверях, не решаясь войти, чувствуя, как в груди глухо и неровно пульсирует тревога. Миссис Григгс стояла у плиты в фартуке с жёлтыми пятнами и выцветшими оборками. На столе уже ждали глубокие тарелки с кашей, дымился чайник, а рядом, на большой тарелке, лежали золотистые оладьи, от которых шёл едва уловимый аромат ванили и жареного масла.

– Ты чего, будто мышь увидела, – буркнула она, не оборачиваясь. – Завтрак не укусит. Присаживайся, всё уже на

столе, – добавила она, снимая очередную горячую оладью со сковороды. – Я сейчас отойду, позову всех к завтраку.

Я кивнула, будто это был ответ, и прошла к столу. На стуле у окна уже сидела Беа. Она, опустив голову, долго размешивала ложкой кашу, не притрагиваясь к еде. Когда я подошла, она подняла на меня свой единственный живой глаз.

– Ты выглядишь усталой, – сказала она, не спрашивая, а утверждая. – Или тебе снилось она.

Я застыла и опустила рядом, ощущая, как под столешницей предательски дрожат колени. Между нами растянулась тяжёлая, густая пауза, наполненная словами, которые невозможно произнести сразу.

– Я... – начала я, но слова тут же застряли в горле. Мне казалось, стоит только произнести это вслух, и всё станет ещё страшнее. – Я спряталась... и она исчезла, – выдохнула я, сбиваясь. – Она... хотела сделать меня гладкой.

Беа склонила голову чуть ближе.

– Только не вздумай плакать, – тихо сказала она, внимательно глядя мне в глаза. – Ей нравится, когда мы боимся.

– Там была Лиззи... – я сглотнула, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрожал. – Вчера она лежала возле моей подушки, а сегодня утром исчезла. Но... я видела её в детской комнате... Она была такая же, как я.

Беа быстро огляделась, затем понизила голос:

– В смысле живая?

– Да, – я опустила взгляд, сжала кулаки. – Это ведь не

просто сон, да?

Беа вскинула на меня тяжёлый взгляд и спросила:

– А ты как думаешь?

Я отвела глаза, не сразу найдя, что ответить, и впервые поняла, что у Беа за плечами тоже что-то было. Она знала больше, чем говорила.

В этот момент на кухне послышались шаги. В дверях появилась миссис Григгс, за ней шёл мистер Гросс, с испачканными землёй руками, и мама, со слегка растрёпанными волосами.

– Всё, собирайтесь за стол, – сказала миссис Григгс, быстро оглядывая всех.

Мистер Гросс молча занял место у края стола, и только кивнул мне. Мама села напротив, бросив короткий взгляд на моё лицо.

– Всё в порядке, Алиса? – тихо спросила она. – Да, просто не выспалась, – пробормотала я, отводя взгляд.

Григгс подняла крышку с кастрюли, выпустив новый клуб пара:

– Ешьте, пока горячее, – сказала она, поправляя хлеб на краю стола.

Мы молча ели несколько минут. Мама, отпив из чашки, вдруг поставила её с мягким стуком и повернулась к хозяйке.

– Скажите, миссис Григгс, а как давно вы здесь, в этом доме, живёте? – спросила она.

Григгс посмотрела на маму, медленно отодвигая от себя

тарелку. Она выглядела спокойной, но в голосе чувствовалось напряжение:

– Этот дом принадлежал моей семье много-много лет, миссис... – начала она. – Раньше это был большой пансион для детей. Его построил мой прадед, потом дом перешёл к моему деду, затем к отцу, а теперь и ко мне... Я выросла здесь, а после смерти родителей осталась следить за ним.

Мистер Гросс тихо добавил, не отрываясь от чая:

– Дом любит, когда в нём живут дети. Даже если их немного.

Я подняла глаза от тарелки, чувствуя, как вопрос вертится на языке.

– А... а сколько этому дому лет? – выдохнула я.

– Больше двухсот, – ответила Григгс с уверенностью.

Я кивнула, не находя слов, и натянуто улыбнулась, лишь бы не дать паузе затянуться.

– Наверное, здесь было весело?

Мистер Гросс чуть усмехнулся, глядя в чашку:

– Бывало по-разному, – произнёс он уклончиво.

Мне показалось, что за этими словами что-то скрывается, и через несколько секунд я тихо спросила:

– А почему... почему пансионат закрылся?

Садовник отвёл взгляд, медленно покрутил ложку в чашке и начал:

– Родители стали...

Миссис Григгс вдруг, почти незаметным движением,

толкнула его локтем под столом. Мистер Гросс замолчал, сглотнув.

– Учителя разъехались, – мягко, но с неожиданной твёрдостью перебила она, глядя прямо на маму, а не на меня. – Детей стало меньше, да и времена изменились.

В столовой повисла лёгкая неловкость. Некоторое время никто не решался заговорить, и только хруст хлебной корочки да тихий звон ложки о фарфор нарушали тишину. Мама первой нарушила молчание, повернувшись ко мне с натянутой, деловой улыбкой:

– Алиса, я сегодня хочу сделать стирку. Поможешь мне после завтрака?

– Да, конечно, – сказала я чуть рассеянно, но всё же кивнула, чувствуя, как взгляд миссис Григгс мягко, но неотступно скользит по моему лицу.

После трапезы я поднялась из-за стола, сжала пальцами складку скатерти и вышла в коридор. Некоторое время стояла, прислонившись к прохладной стене, слушая, как за дверью гудят приглушённые голоса, стучит вода в раковине, кто-то передвигает чашки. Мне не хотелось сразу возвращаться в нашу комнату или идти помогать маме. Поэтому я решила немного прогуляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.